

układają się w swoiste «rondo», w którym pojęcie kultury wraca jako zarys perspektywy dalszych badań odnośnie do statusu rzeczywistości kulturowej.

Rzecz naturalna, nie powinno się przy tym obejść bez podsumowania zaprezentowanych tu rozważań A. L. Zachariasza nad kulturą. Niemniej – zgodnie z intencją Autora – „w aktualnym ich stanie takie ostateczne podsumowanie nie tylko wydaje się tu niepotrzebne, ale także z pewnych względów niemożliwe. Niepotrzebne, jako że każdą z rozpraw zamykały uwagi końco-

we. Niemożliwe, jako że książka ta właściwie jest dopiero postawieniem problemu i próbą prowadzą daleko poza ten stan początkowy. Tak oto tok naszego rozumowania, którego treścią był pomysł kultury anatelicznej Autora recenzowanej książki, prowadzi do sformułowania ontologii regionalnej, jaką w tym przypadku jest określenie statusu ontycznego rzeczywistości kulturowej. Jest zarysowaniem „jednej z możliwych dróg jej pojmowania, ale nie jej ujęciem ostatecznym”. A więc podsumowania nie będzie. Z niecierpliwością czekamy na następną książkę A. L. Zachariasza.

Всеволод Е. Давидович

Главные идеологии современности

Główne ideologie współczesności

В. П. Макаренко, *Главные идеологии современности*,
Ростов н/Дону, «Феникс», 2000, С. 473

Na юге России, в Ростове - на Дону, вышла новая книга «Главные идеологии современности». Это очередной труд известного российского политолога и философа, профессора В. П. Макаренко. Он хорошо знаком читателям и в России, и в Польше.

Книг выходит сейчас немало. По подсчетам библиографов, ежедневно в мире на разных языках появляется ок. 2000 названий. Одни

книги, только выйдя, сразу попадают в информационную тень, их не замечают и быстро забывают. Другие – живут, вносят свой посильный вклад в мировой книжный фонд.

Думается, что рецензируемая книга В. П. Макаренко будет замечена и отмечена. Ей суждено привлечь к себе внимание читателей.

Книжные жанры многообразны. Есть исследовательские мо-

нографии, рассчитанные на специалистов, есть учебники, публицистические и научно-популярные издания, есть беллетристика, справочные материалы. Жанр книги В. П. Макаренко определить не так-то просто. Она задумывалась им как пособие для тех, кто учится. Но она не умещается в рамки учебного пособия. В ней прописано не только то, что получило признание в науке, но и представлены оригинальные позиции автора почти по каждой освещаемой проблеме. Ей присуща публицистическая сочность, явно прорисовывается авторский темперамент.

Основные моменты, привлекающие внимания, таковы. Первое — это *панорамность*. По сути дела, на книжном рынке появился квалифицированный своевременный обзор основных направлений социально-гуманитарной мысли мира при вступлении его в 3-е тысячелетие. В условиях теоретической чересполосицы, плюралистических поисков, зыбкости былых, казавшихся бесспорными идеалов и ценностей, особенно важно разобраться в том, что же сегодня может котироваться на рынке теории и идеологии. Не надо думать, что смутность духовных ориентиров присуща только странам Восточной Европы и бывшего СССР. Увы, это явление присуще всей мировой духовной атмосфере. В. П. Макаренко жестко констатирует, что «большинство людей в современном мире живет в состоянии организованного отчая-

ния» (с. 5). И он выделяет как центральную задачу своего сочинения требование «...изучать идеологии как систему взаимодействующих символов и структуру взаимовлияющих смыслов». Он полагает, что «все понятия, которыми оперирует идеология, становятся метафорами. Культурными схемами, шаблонами и картами проблематичной социальной реальности, матрицами коллективного сознания... Человек строит идеологии как схематические образы социального порядка» (там же).

В этом ключе строится все изложение книги. Это тонкий и точный взгляд на идеологическое хозяйство мира наших дней. Стоит назвать перечень рассматриваемых идеологий: либерализм, консерватизм, марксизм, социализм, феминизм, экологизм, коммунитаризм, национализм, анархизм. Сам этот перечень впечатляет. Он требует от автора широкой эрудиции, зоркого теоретического глаза, точного концептуального анализа. Всё это наличествует. Второй момент, стоящий того, чтобы быть отмеченным — *это плотность, компактность, густота изложения*. Зряшной веле-речивости, пустого словоговения в книге нет. Одна за другой отстраиваются хорошо сформулированные, строго логичные рассуждения, как правило, завершающиеся четким выводом. Третий момент — это не равнодушный пересказ тех или иных концепций, а *фиксация собственной позиции автора, обоснование им своих симпатий и отторжений*.

Отметив эти характерные черты рецензируемой книги, обратимся к её содержательному наполнению. В. П. Макаренко, завершая свое изложение, с грустью говорит о том, что «ни одна из современных идеологий не дает окончательных ответов ни на вопросы сегодняшнего дня, ни на мировоззренческие поиски. Каждая идеология содержит недосказанные послышки, сомнительные аргументы, неразрешенные проблемы и двусмысленные ответы» (с. 457).

По мнению автора, грани между разными идеологиями подвижны и подчас размыты. Элементы одной из них заимствуются другими, они взаимопроникают, изменчивы в историческом времени, пестры в социокультурном пространстве. К тому же, все они неоднозначны. Ни по своим теоретическим конструктам, ни по акцентам, которые расставлены конкретными авторами. Все это затрудняет создание типологии идеологии. Любая из имеющихся типологий схематична, все различия в какой-то мере условны.

Так, например, о свободе, как о главной ценности, говорит либерализм. Но её же ставит во главу угла классический и критический марксизм, все разновидности анархизма. Естественно, что саму свободу разные идеологии трактуют различно. Консерватизм апеллирует к ценностям традиционализма, а коммунистический поднимает ввысь идею братства. Но ведь сама эта идея весьма давняя, она

в какой-то мере есть достояние тех обществ, которые именуют традиционными.

Автор справедливо полагает, что «все попытки строгого определения политических идеологий бесполезны» (с. 10). Что на фундаментальные вопросы о сущности идеологических ценностей окончательных ответов «нет и не будет. Есть комплекс конкурирующих концепций по каждому вопросу» (с. 11).

Такая ситуация наиболее выразительно представлена в либерализме. Но она может быть отнесена и ко всем другим идеологиям.

При рассмотрении почти всех анализируемых концепций выявляются их основания и модификации, исторические истоки и фигуранты, принципы и пути их реализации. Обратимся к некоторым суждениям и оценкам.

Либеральная традиция характеризуется в книге как «постоянный протест против абсолютной власти» (с. 21). В книге прослеживаются исторические изменения либерализма (классический, либертинизм, нео-либерализм, современный либерализм), выявляется двусмысленность его рецептов, неопределенность концепций, анализируются успехи и поражения. Отмечается неуловимость различий либерализма и консерватизма.

Автор полагает, что ныне «теория и практика либерализма всё более расходятся, поэтому воспевание либерализма следует скорее сравнить с визгом свиньи после того, как нож достиг её сердца» (с. 132).

Властвование над умами *консервативных настроений* в 70–80-е годы XX века побуждает к анализу его доктринальных оснований. Отталкиваясь от идей Э. Берка, в книге представлены такие характеристики консервативной идеологии, как традиционализм, скептицизм, органицизм. В. П. Макаренко подчеркивает, что если либералы считают свободу главной ценностью, то консерватизм поднимает на щит безопасность. Именно поэтому для консерваторов имеет значение не свобода «вообще», а традиционные и устоявшиеся свободы. Не справедливость как абстракция, а её процедурные варианты.

При рассмотрении *академического марксизма*, в его истоках, конкурирующих ортодоксиях, многообразных версиях, и ныне действующих вариантах автор исходит из того, что «марксизм не завершен» (с. 108). Анализируя критические и аналитические ветви, структуралистский антигуманизм, оценивая его представителей, В. П. Макаренко приводит к выводу, что «модификации современного марксизма... не в состоянии преодолеть противоречие, которое содержится в трудах его классиков» (с. 130). Впрочем, то же самое он видит и в других политических идеологиях. Вместе с тем в книге отмечается, что эти противоречия «не отменяют силы марксизма... содержащаяся в нем критическая традиция анализа общества остается по-прежнему продуктивной»

(с. 134). В книге говорится, что некоторые версии марксизма «являются вполне пристойными и даже рафинированными» (с. 193). Они телеологичны, утверждают единство теории и практики, являя собой теорию общества и политический проект социализма.

К марксистским идеям автор возвращается и при рассмотрении *социалистического дискурса* Социализм пестр. Его общие мотивы сводятся к провозглашению справедливости, идеи достоинства личности, утверждению централизованного планирования и промышленной демократии. Этот комплекс идей по мнению В. П. Макаренко «можно считать знаменем и проклятием социалистического дискурса» (с. 133). Позитивно и оптимистически оценивая человеческую природу, социализм выдвигает образ будущего, исполненного гуманистического содержания. Главная тема социалистов – благополучие людей. Они всегда ставят на первое место достойную жизнь всех, а не только богатых. Проекты социалистической экономики манящи и привлекательны, но, как отмечается в книге, «современное общество совершенно противоречит социалистическим идеалам» (с. 168). Поэтому в идеологии социализма много вопросов, остающихся безответными. И всё же, В. П. Макаренко подчеркивает, что сегодня «социализм нуждается в движении множества проектов будущего общества, а также в еще большем числе интерпретаций конечных целей общества. Ведь

большинство людей убеждены, что они могут формировать свою общую судьбу. Пока это убеждение не рухнуло, у социалистов остается почва для вербовки новых сторонников в свои ряды» (с. 184).

Большое внимание в книге уделено молодым идеологиям. Они рассматриваются как попытка вырваться за пределы иллюзий и шаблонов, порожденных главенствующими идеологиями.

Феминизм предстает сегодня как движение, в рамках которого формулируются исходные идеи. Главная его цель – свергнуть господство мужчин над женщинами. Все иные идеологические постулаты осмысливаются в нем на основе этой цели и анализа отношения «я – другие».

Как включить женщин в реальную политику, из которой они издавна исключены? Каким образом выявить философско-мировоззренческие основы мужского господства? Вокруг этих размышлений отстраиваются все идеологические построения феминизма. Выдвигается мысль о том, что личная жизнь женщин перестает быть лишь домашней и частной, обретает черты универсальной, структурной и политической проблемы. Выдвигая в качестве главного понятия «связь и господство», феминизм рассчитывает пересмотреть ключевые представления мужской философии и политической мысли.

Небезынтересна в книге оценка **экологизма** (инвайронмента-

лизма) как того видения, при котором «различие человеческих культур объясняется такими факторами как почва, климат и запасы продовольствия» (с. 225). Экологизм осознал, что не только природная, но и социальная среда влияет на выживание человеческого рода в целом. Знание об этом – один из источников экологического движения и идеологии. Экологи видят своим основным противником государственный аппарат, все виды промышленности и её научно-технического обеспечения. Их цель – сохранение биосферы в целом. Их девиз: мысли глобально – действуй локально. Автор справедливо полагает, что в обозримом будущем можно ожидать радикализации экологического движения и распространения идеологии экологизма. Становится ясным, что от человечества потребуются отказ от сложившихся стандартов потребления и стереотипов поведения. Это будет нелегкая задача, не имеющая однозначного разрешения. Вновь во весь рост станет проблема соотношения цели и средств, вопрос о цене прогресса.

Важное место в книге занимает экспозиция одной из самых новых идеологий – **коммунитаризма**. Отмечается, что суть его «обсуждение различных аспектов братства как состояния общества и социального идеала» (с. 259). Автор подчеркивает, что «акцент на исследование манипулятивных отношений в обществе, использующем демократические институты – главный нерв

коммунитаристской концепции» (с. 261). Идеино-теоретические построения коммунитаристов с их определением «социальных фигур», в которых сливаются роль и личность со стремлением выйти за пределы институализированных социальной науки, политики и идеологии обладают немалой притягательностью.

Обстоятельно анализируется та критика теоретиков коммунитаризма по адресу Просвещения, в рамках которого возникли все идеологии современности и присущие им хронические болезни. Автор явно сочувствует этой критике, полагая, что «в современном обществе ни моральные, ни экономические, ни политические споры не разрешимы» (с. 298). В. П. Макаренко полагает, что налицо насущная необходимость построения новой парадигмы идеологий «на основе переосмысления веберизма и ницшеизма с одновременной реанимацией критических потенциалов марксизма» (с. 302). Теоретики коммунитаризма ставят задачу создания братского общества. При всем том, что она имеет мало сторонников и кажется курьезной, по мнению В. П. Макаренко, она имеет будущее. Изменение образа жизни, создание разнородной и толерантной культуры – всё это предпосылки восприятия массовым сознанием очень молодой концепции коммунитаризма.

Не обходит автор насущных проблем *национализма*. Всплеск

этноцентрических умонастроений, круговерть националистического угара – это современные реалии. В книге обстоятельно освещаются проблемы национальных интересов, даётся рассмотрение антропологической концепции нации как мнимой общности, вопреки представлениям о ней как настоящей общности, движущейся в истории. В этом разделе немало неожиданных, свежих поворотов мысли, например, проблема модлей классификации действительности (переписи, картография, феномен государственных границ, вопрос об онтологической реальности нации, бюрократическом национализме и т.д.).

И наконец, книга завершается рассмотрением *анархизма*, точнее, его возрождающейся переосмысленной версии. В. П. Макаренко – признанный и широко известный специалист по проблемам бюрократии, легитимности и власти, поэтому, опираясь на результаты своих прошлых изысканий, он смог высветить проблемы анархизма новым углом зрения. Антиэтатическая умонастроенность автора, его теоретический и эмоциональный протест против насилия государственной машины над человеком определяет и его видение проблемы анархизма. Отвергая его карикатурные, публицистические оценки, В. П. Макаренко выходит на понимание анархической идеологии как одного из тех средств, которые могут способствовать целостному изменению человеческого общества, отторжению господства зла. В этом

разделе налицо содержательная критика централизма, присущих централизму авторитарных, насильственных, бюрократических манипулятивных методов управления. Автор экспрессивно возражает против повсеместного распространённого насилия политических авторитетов, предлагая в противовес этому идею «открытого авторитета».

Можно сказать, что, опираясь на обширное теоретическое наследие последних лет, он отстраивает систему веских аргументов по критике отрицательных сторон государственности. С его констатациями можно соглашаться или не соглашаться, но мимо них нельзя пройти.

Автор склонен к резким формулировкам. Он отмечает, что «государства были и остаются важнейшим источником войн. Без наличия государств не были бы развязаны мировые войны XX века, которые унесли в могилу больше людей, чем во всей предшествующей истории» (с. 419). Исходя из этого, Макаренко формулирует вопрос: как определить возможный мир, существующий без государств? В разделе критически разбираются прагматические обоснования государства за последние 300 лет (договорные, функциональные, соображения порядка и безопасности). В. П. Макаренко считает, что все эти обоснования – это не доказательства, а лишь оправдания государств. По его мнению, ныне

существующие государства «должны взять на себя смелость экспериментирования с проектом безгосударственного общества» (с. 434). В книге перечислены общие организационные и структурные свойства возможных безгосударственных устройств. К ним автор относит: самоуправление, добровольность, децентрализацию, деконцентрацию, противодействие любому произволу власти, противодействие любой эксплуатации и господству.

Когда это читаешь, душа радуется и умиляется. Но... но всё-таки возникает ощущение некоторого налета утопичности и наивной, хотя и искренней благожелательности. Впрочем, это личные впечатления пишущего эту рецензию. Книга завершается суровыми негативными оценками всего спектра современных идеологий. Не могу с ним не согласиться. По моему разумению, это отражение того духовного смятения, которым охвачено человечество на рубеже веков и тысячелетий. Беззащитная, мечущаяся, хромающая человеческая мысль во многих случаях оказывается не способной охватить настоящее, зрело оценить прошлое, хотя бы как-то уверенно предвидеть будущее. Стоит вспомнить слова блистательного польского афориста Станислава Ежи Леца: «Страшно дыхание эпохи, в которую нечем дышать». Всё это прискорбно. Но нельзя путать трагическое с безнадежным. Надо полагать, что кризисные черты современного состояния духа будут преодолены

и сняты. Тот упорядочивающий анализ, который содержится в рецензируемой книге, внесет свою весомую лепту в намётки новых свежих путей идеологического поиска.

В краткой рецензии я, понятно, не мог дать полновесного анализа серьезного труда В. П. Макаренко. Его книга – обзор. Моя рецензия как бы – обзор обзора.

Жанр отзыва предполагает полемику, критику, спор. Пожалуй, я воздержусь от этого. Замечу лишь, что экспозиция главных (именно «главных») идеологий

явно неполна. В стороне остались религиозно ориентированные идеологии, эзотерические конструкции, гальванизация традиционалистских построений. Представлен «Запад». Но обойден вниманием весь «Восток». Однако, как сказано, «могущие вместить – да вместят».

Полагаю, что труд В. П. Макаренко будет востребован. Я – давний профессионал, прочел её не только с удовольствием, но и с несомненной пользой для себя. Поэтому рекомендую её всем, кого волнует духовная атмосфера мира XXI столетия.

Agnieszka Iskra

Pochwała piękna

Прославление красоты

J. Kurowicki, *Piękno jako wyraz dystansu. Wykład estetyki z perspektywy filozofii kultury*, Wyd. Nauk. „Scholar”, Warszawa 2000, s. 203

Analizując kategorię piękna zasadniczo można przyjąć dwie postawy: Sokratejską, utrwaloną w *Hippiaszu Większym* i bezpodmiotową. Postawa Sokratejska zakłada analogię między sposobem, w jaki rozpoznajemy piękno a metodą rozpoznawania i określania innych zjawisk, np. kolorów – wystarczy znaleźć w umyśle nazwę i dokonać oznaczenia. Tak prowadzone dociekania nad istotą jakości

estetycznych nieuchronnie zamyka stwierdzenie, że są one „rzeczą trudną”. Horyzont poznawczy zakreślony przez Sokratejski podmiot jest do dziś granicą myślenia potocznego, do przekroczenia go konieczna jest zmiana postawy na taką, w której punktem wyjścia jest teoretyczny obraz kultury, analiza warunków, jakie muszą być spełnione, by jakies zjawisko jawiło się jako estetyczne. Kurowicki stara się prowadzić swoje